

Парадный генеральский кивер образца 1909 года.

ГОСПОЖА ЧУЖБИНА

Якоб **СИРУП** (Дания)

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ БОЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Генерал Гудим-Левкович и Датский военный музей

В мае 1942 года с идиллических берегов Французской Ривьеры, из Канн, через Париж и Нидерланды в Копенгаген прибыл вагон, заставленный ящиками с военной формой, саблями, пистолетами, картинами и библиотекой по русской военной истории. Содержание ящиков было плодом усилий человека, который более двадцати лет собирал наследие Русской императорской армии и хранил её историю после революций 1917-го.

В Копенгагене коллекция была помещена в Датский Королевский военный музей, где и хранится до сих пор. Она входит в число крупнейших зарубежных собраний подобного рода. Экспонаты её регулярно выставляются и каждый раз ослепляют публику сиянием цветов, серебряным и золотым шитьём, красотой и мастерством отделки военной формы. Застывшее напоминание о захватывающем дух военном великолепии, окружавшем последних русских царей... Речь идёт о коллекции генерала Павла Гудим-Левковича.

Эта статья — результат исследования, вдохновлённого подготовкой выставки в Датском военном музее, которая открылась в феврале 2013-го и была посвящена истории датских войн с 1500 года до

наших дней. На ней были представлены различные «изюминки» из собраний музея, в том числе и из коллекции Гудим-Левковича. И когда сотрудники музея попытались выяснить не только назначение предметов, но и их происхождение, выявить владельцев этой красивой формы и оружия, стали очевидны большие пробелы¹.

К счастью для музея, внук генерала до сих пор жив. Он живёт в Великобритании, очень увлечён историей своей семьи и хранит фотографии и рукописи деда². Среди последних есть и фрагменты автобиографии, которые очень помогли в реконструкции ранних лет жизни и военной карьеры П. П. Гудим-Левковича.

СОЗДАТЕЛЬ КОЛЛЕКЦИИ

Собирателем всех этих экспонатов был родившийся 6 декабря 1873 года генерал-майор Павел Павлович Гудим-Левкович, сын генерала от инфантерии Павла Константиновича Гудим-Левковича (1842–1907), который преподавал стратегию будущему Николаю II, в 1895–1900 годах был управляющим кабинетом Его Императорского Величества, а позже — членом Государственного совета. В знак благоволения цеса-

Генерального штаба полковник
П. П. Гудим-Левкович.

ревича Николая отцу нашего героя Павла приняли в Пажеский корпус — хотя он и не удовлетворял критериям отбора в это элитное военно-учебное заведение. Впрочем, Гудим-Левкович-младший

Пажи.

показал себя достойным этой чести, став лучшим учеником своего выпуска. А лучший из пажей назначался личным пажом монарха...

В своих воспоминаниях П. П. Гудим-Левкович подробно рассказывает о пажеской службе при петербургском дворе. Приведём лишь его впечатления от последнего большого бала времён Александра III (1894 год).

«Я чувствовал, что ни один человек, сколь живым бы ни было его воображение, не мог обрисовать великолепии, роскошь и в то же время поразительную гармоничность Зимнего дворца — дома русских царей... Одной из главных обязанностей придворных пажей было присутствие на «Большом балу». Он давал нам шанс увидеть дворец во всём его величии, заполненным важными гостями императора. Большой бал начинался с того, что придворные по рангу следовали в Николаевский зал, где церемониальный выход сменялся полонезом. В то время император давал три бала: Большой бал в Николаевском зале и два Концертных бала, называемых так, потому что они проводились в Концертном зале, соседствующем с Николаевским.

К Большому балу готовился ужин на три тысячи гостей, к Концертным балам — на восемьсот персон. Все столовые приборы, блюда и столовые украшения были из чистого серебра, а в Первом зале, который предназначался для императорской семьи и дипломатического корпуса, приборы были золотыми.

Во время балов четыре военных подразделения охраняли дворец изнутри; они набирались по очереди из полков гвардейской пехоты, тяжёлой кавалерии (кавалергардов, конной гвардии) и лёгкой кавалерии (улан, драгун, казаков). При императоре состояли: один генерал-майор, один генерал свиты Его Императорского Величества и один флигель-адъютант государя.

В назначенный час придворные пажи препровождались во дворец. Самые важные гости, должные принять участие в церемониальном выходе, собирались в так называемой «Арабской гостиной», где «дамские пажи» могли сразу принести пользу, например, организуя дамские кружки [...]

Положение императорского пажа давало мне возможность наблюдать вещи, которые ни один другой придворный паж увидеть не мог, и одна такая история произошла во время Большого бала.

Танцы привычным порядком сменяли друг друга. Ведущим танцором был кавалергард граф Менгден. После оживлённой мазурки, в которой принимала

Генерал от инфантерии П. К. Гудим-Левкович, отец П. П. Гудим-Левковича.

участие императрица (император никогда не танцевал), настало время ужина, и танцоры направились занимать свои места.

Императорская семья последовала за государем и государыней в Первый зал, сопровождаемая, в свою очередь, представителями дипломатического корпуса.

Гости заняли свои места в примыкающих залах, выходящих на Неву. Там мне неожиданно выпала удача.

Министр двора граф Воронцов-Дашков подошёл к императору: «Изволит ли Ваше Величество, как обычно, совершить обход гостей? — спросил он. — Приказать ли дежурным офицерам сопровождать Вас?»

«Нет, я совершу обход со своим пажем», — ответил император и быстро направился к первому залу в восточном конце южного фасада дворца.

Я был удивлён резким контрастом между залами двух фасадов: фасад, выходящий на Неву, был залит светом и полон жизни, южный же фасад был пуст и скудно освещён. Моя обязанность состояла в том, чтобы открывать и закрывать двери для императора. Я не помню, как много залов мы обошли и сколько дверей я открыл и закрыл.

Вдруг, когда я открывал следующую дверь, император сказал: «Вы, должно быть, очень устали от меня!» Я был возмущён тем, что государь мог даже подумать о том, что я, простой мальчишка, устал от него, и, не думая о том, что мои слова могут прозвучать как упрёк, выпалил:

«Как может Ваше Величество так говорить? Вы наш монарх, и я счастлив служить Вам!» Император остановился и пристально на меня посмотрел. Затем он пошёл дальше.

Наконец, анфилада комнат с этой стороны фасада закончилась, и мы повернули к той стороне дворца, что выходит на реку. Ранее, в других комнатах, мы слышали только тишину, но сейчас мы уловили шум голосов, как будто жужжал огромный рой пчёл. Залы были освещены, и гости занимали свои места.

Величественная фигура царя появилась в дверях. Кто-то воскликнул:

«Его Императорское Величество Государь!»

Все вскочили. Дамы присели в реверансе. Император направился к гостям и, проходя от стола к столу, останавливался, чтобы поговорить с ними.

Затем он прошёл в следующий зал. Очевидно, здесь большинство гостей уже знали, что император собирается войти, и когда дверь открылась, нас встретила глубокая тишина. Кто-то предложил тост: «За нашего августейшего хозяина!»

Тост был встречен радостными «Ура!»

Такой же приём был в остальных залах фасада, выходящего на реку. Наконец, мы возвратились в Первый зал. Граф Воронцов подошёл к царю.

«Всё в порядке, Ваше Величество?»

«Не совсем, — ответил император, и его добрые улыбающиеся глаза остановились на мне. — Я получил выговор от моего пажа за то, что недостаточно ценю монархические чувства своих подданных».

Я никогда не забуду выражение лица графа Воронцова, который знал меня с

самого детства и был близким другом моего отца. Он пронзил меня взглядом. Государь повернулся и направился к своему столу.

Воронцов немедленно подхватил меня: «О чём Вы думали?» Я рассказал ему всё как было, слово в слово. Граф облегчённо вздохнул: «Как Вы меня напугали! Иногда императору случается посмеяться!»

Ни один другой паж, никто из трёх тысяч гостей не видел того сияющего взгляда государя. Я был очень рад тому, что так долго пробыл с царём наедине, и моё сердце таяло от его добродушного подтрунивания.

После ужина было два или три вальса. Затем император присоединился к императрице и вместе с ней направился к Арабской гостиной. В дверях они поклонились всем присутствующим и последовали в свои личные покои.

Это был последний «Большой бал» в Зимнем дворце. И, увы, 1894 год стал последним для Больших балов вообще!»

После окончания Пажеского корпуса в 1894 году Павел Павлович служил подпоручиком в 7-й конно-артиллерийской батарее, затем был переведён в Гвардейскую конно-артиллерийскую бригаду. Продолжив учёбу в Академии Генерального штаба, он окончил её в 1901-м с отличием и стал офицером Генерального штаба. В 1903–1904 годах, отбывая установленный для генштабистов командный ценз, Генерального штаба капитан Гудим-Левкович командовал 3-м эскадронам лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка. В 1904–1905 годах он участвовал в Русско-японской войне и в 1907 году получил чин полковника. С 1906 по 1909 год Павел Павлович был адъютантом великого князя Михаила Николаевича, а в 1909-м был назначен военным атташе в Греции, которым оставался до 1916-го. В этом качестве в 1912–1913 годах он стал свидетелем двух Балканских войн.

Русско-японская война оказалась для нашего героя судьбоносной.

ОТ МАНЬЧЖУРИИ ДО ФРАНЦУЗСКОЙ РИВЬЕРЫ

В ходе этой войны Гудим-Левкович принял участие в Мукденском сражении 20 февраля — 10 марта 1905 года. Это была крупнейшее сухопутное сражение со времён «битвы народов» при Лейпциге в октябре 1813-го.

День и ночь генштабист проводил в седле. Он загнал свою любимую лошадь Джульетту и вынужден был пересест на запасного коня по кличке Казак. Од-

Памятная чарка, выпущенная в ознаменование 100-летнего юбилея лейб-гвардии Егерского полка.

нажды ночью Павел Павлович оказался в окружении:

«Я повернулся и пришпорил Казака. Он помчался что есть силы. Я скакал галопом около трёхсот сажень в гору на виду у врага. Как бы мне хотелось ехать на Джульетте! Она бы летела как птица. Как я надеялся на эти древние руины на холме! Мимо ушей свистели пули и впивались в землю рядом со мной. Я мчался, пригнувшись к шее лошади; в моей голове мелькала мысль: какая глупая бессмысленная смерть. В любом момент Казак мог быть убит, и тогда конец всему... Я обернулся. Люди казались крайне возбуждёнными. Они поднимались и целились прямо в меня. Они охотятся на меня, горько подумал я. «О, Господи, зачем мне так глупо умирать, спаси меня!» Вдруг Казак споткнулся и встал на дыбы. Ранен? Нет, он оправился...почти всё... вершина холма... «Слава тебе, Господи!» Я перепрыгнул через пригорок, остановил Казака и спешился».

Казак потом жил «на пенсии» в имении сестры Павла Павловича и дожил до Первой мировой войны. Его хозяину повезло меньше; 22 июля 1905 года он был ранен в живот. Пуля пробила почку, развилось сильное внутреннее кровотечение... Офицеру пришлось долго лечиться во Франции.

Причина того, что Гудим-Левкович попал именно во французский госпиталь, восходила к скандалу, случившемуся при императорском дворе. В 1891 году великий князь Михаил Михайлович, двоюродный брат цесаревича Николая, вступил в морганатический брак с графиней Софией фон Меренберг, внучкой Пушкина³. До того великий князь дважды пытался жениться на принцессе, принадлежащей к владетельному дому, но оба раза получил отказ. Александра III этот неравный брак привёл в ярость, и он запретил Михаилу Михайловичу возвращаться в Россию. Тогда тот обосновался в Каннах, на роскошной вилле «Казбек», вёл там роскошную жизнь и получил известность благодаря своим приёмам и общественной деятельности. Все знали его как «некоронованного короля Канн».

Николай II тоже не разрешал своему кузену вернуться на родину, однако отношения Михаила Михайловича с императорской семьёй стали уже менее натянутыми. Михаил был восстановлен Николаем в воинском звании и опять мог появляться на публике в мундире лейб-гвардии Егерского полка, — например, на коронации английского короля Эдуарда VII в Лондоне в 1902 году. В

Каска артиллериста образца 1844 г.

Мундир полковника 1-го уланского Санкт-Петербургского полка (слева — обшлаг с петлицей «За военное отличие»).

Крышка кавалерийской лядунки.

Эвелин Грин.

1905-м Михаил Михайлович получил было разрешение вернуться в Россию: участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, он хотел быть полезным своей стране в войне с японцами³. Однако разрешение было отозвано, и Михаил Михайлович вернулся на виллу «Казбек», где организовал госпиталь для более чем 60 русских офицеров, раненных в Маньчжурии. Одним из них был Павел Гудим-Левкович.

МУНДИРЫ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

Сиделкой в госпиталь великого князя поступила привлекательная молодая дама. Её звали Эвелин Грин, и она принадлежала к высшей мировой элите, представители которой часто бывали в

Каннах. Её матерью была леди Клементина Августа Спенсер-Черчилль, кузина будущего британского премьера сэра Уинстона Черчилля. В Каннах им принадлежала вилла «Клементина», где каждое лето семья принимала высоких гостей, в том числе королеву Викторию. Вскоре Эвелин и раненый русский офицер полюбили друг друга. 7 ноября следующего года, в Лондоне, они сыграли свадьбу: сначала в церкви Благовещения в окрестностях Марбл-Арч, а затем в часовне при русском посольстве. В 1907 году у них родилась дочь, Кира Гудим-Левкович (скончавшаяся в 1975-м), а в 1910-м — сын, которого по семейной традиции называли Павлом. Он умер в 1984 году, а его сын и сейчас живёт в Англии.

Как мы уже знаем, после выздоровления Павел Павлович служил адъютантом

при великом князе Михаиле Николаевиче. Старый князь часто навещал Канны, чтобы повидать сына Михаила и внуков. В 1909 году он умер, и Михаилу Михайловичу было, наконец, позволено приехать в Россию и принять участие в похоронах отца.

Левкович встречался с Михаилом Михайловичем и в госпитале, и служа при его отце. Он хорошо знал и его сестру Анастасию Михайловну, также жившую в Каннах. «Великая княгиня часто бывала в госпитале своего брата. Её обаяние очаровывало всех. Она часто приглашала нас на свою роскошную виллу «Венден». К своей радости я узнал, что великая княгиня была большим другом родителей моей будущей невесты, а кроме того, прониклась огромной симпатией к ней самой — она часто приглашала нас двоих на свои вечера».

Случайность вновь столкнула Павла Павловича и великого князя после Первой мировой войны, и это оказалось важным для дальнейшей истории копенгагенской коллекции.

Михаилу Михайловичу было запрещено участвовать в военных действиях Первой мировой; ему поручили содействовать русским экономическим интересам в Лондоне (где он тогда обосновался). Революция 1917 года привела его к финансовому краху, и только благодаря помощи британского монарха и богатого зятя великий князь смог поддерживать свой статус в последние годы жизни. С 1921 по 1927 год он жил в Каннах, становясь всё более неуравновешенным. В 1927-м зять отзывался о нём уже как о «настоящем сумасшедшем». Михаил Михайлович умер в Лондоне в 1929 году.

А генерал-майор Павел Гудим-Левкович, после 1917-го также оказавшийся в изгнании, поселился в местечке Ланга-Напуль близ Канн. В октябре 1920 году они с супругой купили виллу «Ла Мэион Лонга», которая фактически представляла собой бараки, где раньше размещалась таможенная служба. В ней было более двадцати комнат — немалое пространство для нового замысла Левковича. Он писал потом: «Я уже вынашивал идею сбора всего, что могло быть связано с русской императорской армией, а размеры дома позволяли устроить в нём музей. Я стал действовать более активно и в короткий срок заручился «агентами» — бывшими офицерами, обитавшими в Финляндии, Эстонии, Латвии и Польше. Вскоре драгоценные экспонаты стали прибывать со всех сторон».

В списке собранных им образцов военной формы мы нашли генеральский

мундир лейб-гвардии Егерского полка, принадлежавший великому князю Михаилу Михайловичу, и фельдмаршальский мундир 1-го Кавказского стрелкового полка, принадлежавший великому князю Михаилу Николаевичу⁴. Оба в отличном состоянии, с множеством петель и отверстий для крепления орден-ов и медалей.

Эти экспонаты — видимый результат общения Левковича с великим князем Михаилом Михайловичем и его отцом. Но здесь кроется и ещё один сюжет. Великая княжна Анастасия Михайловна в 1878 году вышла замуж за Фридриха Франца III, великого герцога Мекленбург-Шверинского. Брак оказался не совсем счастливым, но принёс супругам троих детей. Фридрих Франц имел слабое здоровье, и супруги шесть месяцев в году проводили в Каннах, где у них была своя вилла «Венден». В 1897-м великий герцог упал с парапета моста (по официальной версии, в припадке астмы) и вскоре скончался. Ходили слухи, что это было самоубийство, и жители Мекленбурга обвиняли в этом Анастасию. Не ощущая себя более желанной гостьей в своём герцогстве (которым теперь правил её сын), она провела остаток жизни в Каннах. Там её сопровождало множество скандалов. Так, в 1902 году она родила ребёнка от своего личного секретаря Владимира Александровича

Императрица Мария Фёдоровна. 1924 г.

Керамические плакетки с портретами Николая Второго и Александры Фёдоровны.

Палтова⁵. Другим её любовником был один из пионеров авиации и военный корреспондент Николай Евграфович Попов — брат которого служил адъютантом у Павла Гудим-Левковича⁶.

Младшая дочь Анастасии Михайловны Цецилия стала женой Вильгельма, кронпринца Прусского, а старшая, Александрина, вышла замуж за кронпринца Датского Кристиана. Впоследствии, с 1912 по 1947 год, он был королём Дании Кристианом X, а Александрина — всенародно любимой датской королевой.

И вот в 1943 году, по приезде в Копенгаген, генерал Гудим-Левкович был принят королевой Александриной — чью мать он лично знал и вспоминал её с большой симпатией⁷.

Королевская аудиенция стала концом путешествия Павла Павловича и его коллекции. Русский генерал и его собрание, наконец, обрели пристанище в датской столице.

ДАТСКИЕ СВЯЗИ

В январе 1941 года Левкович, по совету живших в Копенгагене русских офицеров, предложил передать своё собрание Датскому Королевскому военному музею. Один из авторов этой идеи —

Сергей Потоцкий, последний русский военный атташе в Дании, служивший теперь представителем русского Красного Креста в этой стране, — передал в музей свою генеральскую форму. Другой автор, генерал Николай Фогель, состоял в свите вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, когда она покидала Россию в 1919 году.

Связь с вдовствующей императрицей была очень важна. Мать Николая II, урождённая принцесса Дагмар Датская, стала главным из членов императорской семьи, выживших в ходе революции. В Дании её ласково называли «императрица Дагмар» (а её отца, короля Кристиана IX, — «тестем всей Европы»). Сестра Дагмар, Александра, стала королевой Великобритании, супругой Эдуарда VII. Один её брат был королём Греции, а другой, Фредерик — датским королём, преемником Кристиана IX).

Дагмар до самой смерти отказывалась верить, что её сын и внуки убиты большевиками. Николай Фогель последовал за ней в Лондон, а затем в Копенгаген, где Мария Фёдоровна провела

свои последние годы. Когда она умерла в 1928-м, её отпели с государственными почестями в русском храме Александра Невского в Копенгагене — построенном по её просьбе в 1883 году. Многие действующие монархи Европы следовали за её гробом в собор в Роскилле, где она упокоилась с миром. На волнующих кинокадрах и фотографиях можно видеть, что нёсшие гроб были одеты в русские придворные мундиры, а монархи и военные были при орденах и медалях Российской империи...

Присутствие в Дании вдовствующей императрицы привело в Копенгаген многих членов русского императорского двора. На копенгагенском кладбище Ассистенс — 180 русских захоронений, 70 из которых — могилы придворных и членов их семей³. Останки же самой Марии Фёдоровны в 2006 году были перевезены на датском военном корабле в Петербург, и теперь императрица покоится в Петропавловском соборе, рядом со своим мужем, сыном и внуками...

Генерал Фогель, способствовавший переезду коллекции Гудим-Левковича в Датский военный музей, поручился за её ценность, а генерал Потоцкий был посредником между Гудим-Левковичем и директором музея капитаном Поульсенем. Сначала Гудим-Левкович писал Потоцкому на русском, а тот переводил его письма на датский; затем Павел Павлович стал писать непосредственно Поульсену по-французски, а к 1943-му переписка перешла на немецкий — язык устного общения Гудим-Левковича в Дании.

Весной 1942-го во Франции был подписан контракт о передаче коллекции Датскому военному музею. Согласно этому документу, всё собрание являло собой дар, но некоторые предметы (например, коллекцию из 2000 игрушечных солдатиков) семья Гудим-Левковичей могла забрать в течение двадцати лет. По истечении этого срока эти предметы автоматически становились собственностью музея.

Военный музей был отделом датского военного министерства, которое, благодаря особому статусу Дании в период немецкой оккупации, продолжало функционировать до 29 августа 1943 года — когда сотрудничество между датским правительством и немецкими оккупантами прекратилось. Поэтому музей должен был вынужден просить у министерства разрешение принять дар Гудим-Левковича. И только 13 августа 1942 года он смог начать планировать доставку экспонатов из Франции в Данию.

Ящики с русской военной формой и атрибутикой проделали путь по охваченной войной Европе. На железнодорожной станции в Нидерландах они чуть было не попали под бомбёжку западных союзников. Но всё обошлось, и 18 марта 1943 года коллекция оказалась в Копенгагене. Тогда же ящики с ней были распакованы.

Последнее, однако, возмутило Гудим-Левковича: он рассчитывал, что

будет приглашён в Копенгаген и сам распакует ящики с драгоценным содержанием. 2 мая 1943-го он написал резкое письмо Поульсену, где предложил приехать в Данию за свой счёт. 10 мая Поульсен отправил ему приглашение, и в июле (когда французские и немецкие бюрократы сподобились, наконец, оформить визу) путешествие началось.

г. Копенгаген

Окончание следует

Перевод Евгении Галимзяновой

Генеральный штаба полковник С. Н. Потоцкий
(сидит крайний справа). Май 1912 г.

Примечания

1. См.: Danmarks Krige u. Samlingsudstillingerne. Statens Forsvarshistoriske Museum. Copenhagen. 2013.
2. Внук генерала просил не называть его имени. Цитаты из воспоминаний Гудим-Левковича брались из рукописей, копии которых хранятся в Музее оружия.

3. Об этом браке «Родина» уже писала. См.: Сак К. «А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем...» Как породнились Николай Павлович с Пушкиным // Родина. 2009. № 12. С. 162–164.
3. Grand Duke's Romance is Plot of his first Novel // New York Times. 1910. July 24.
4. Регистрационные номера е.257;

е. 214.
5. Beeche A. The Grand Duchesses: Daughters & Granddaughters of Russia's Tsars. Eurohistory. 2004. P. 79.
6. Hoyer D. Den glemteeventyrer // Jyllands Posten. 2012. Mai 13, 20.
7. Thew Levkowitz file 059.17–379, læg II bilag 13.
8. См.: Jørgensen C. A. (ed.). I Dagmars Skygge. Copenhagen. 2011.